

Сильва

Автобус неожиданно притормозил у развилки, по обочине к двери заторопилась старушка в старомодном пальто с норковым воротником и шалью, густо присыпанной снегом. Крупная серо-черная собака, похожая на волка, двумя мощными прыжками догнала хозяйку и с любопытством уставилась в проем открытой двери.

– Сильва, додому! – старуха оглянулась на собаку. – Чуешь, що кажу? Сьогодні вэрнусь, ковбаскы тоби прывэзу...

Устрашающие челюсти с огромными клыками сомкнулись, собака вильнула хвостом и отошла на пару шагов от дороги.

Бабка прошла по салону и остановилась возле меня: «Билия вас систы можно?»

– Ваша собака? – спросил я у усевшейся соседки. – Злющая, наверное? Клыкищи как тигра, а глаза умные.

– Цей собака вже два роки зи мною, та я до сих пир його боюсь, – старуха поставила сумку между ног и вложила в нее поводок от собачьего ошейника. – Хоча боятися немае чому. Добришойи тварыны я николю не бачыла...

Под шуршание шин и рокот двигателя я услышал историю встречи двух глубоко одиноких душ и чудесного исцеления от неизлечимой болезни.

В переводе с суржика рассказ пожилой женщины звучал так:

«От этой развилки к моему дому час идти нужно. Хата у самого леса. Тяжело мне одной – мужа я давно похоронила, а деток Господь нам не дал. В селе осталось пять человек – таких же одиноких старух, как и я. Многих дети в город увезли, но сельска людына без земли умирает быстро.

Летом жить можно, о болезнях думать некогда, а вот зимой... зимой тяжело. Газа в селе нет. А угля по нынешним ценам не напасешься. Лес выручает, но заготовить дрова ой как трудно. Особенно когда колени огнем пекут, а в позвоночник словно гвоздей дюжину вбили. И так много лет.

Врачи помочь не могут. Говорят, что боли в позвоночнике от какой-то редкой нервной болезни. Спасибо добрым людям: дали адрес экстрасенса в городе. Я к ней как раз и еду. Поводит руками по коленям, разомнет – мне и легче. Но ненадолго. А боли в позвоночнике снять никак не получалось. Но спасибо и за колени.

Позапрошлой зимой пошла я в лес за хворостом. В хате вода уже замерзать начала. Насобирала охапку и связала веревкой. А поднять на плечи никак не могу: боль все силы вытянула.

Слышу какой-то рык за спиной. Оглянулась и обомлела. То ли волк, то ли собака метрах в трех от меня стоит, из пасти клыки с мизинец торчат, загривок взъерошен, взгляд дикий: вот-вот на меня кинется. И рычит так страшно. Я хотела что-то крикнуть, но онемела от ужаса.

Выдернула дрючок из вязанки и швырнула в эту напасть. Смотрю, собака сжалась, а потом как прыгнет на меня! Закружилось в голове и померкло все. Помню только, как начала падать навзничь.

Не знаю сколько времени прошло, но чувствую – что-то теплое по лицу перекатывается. Словно по щекам свечой водят.

Открыла глаза и вижу: стоит надо мною собака и лижет языком лицо. Села я на снег, не пойму – то ли видение такое, то ли на самом деле. Собака подошла к хворосту, ухватила клыками веревку и потянула вязанку в сторону, откуда я пришла. Я встала и пошла за ней. Так к моей хате и пришли.

Уже дома с удивлением почувствовала – спина не болит! Совершенно. Даже приятно как-то внутри. И колени вроде чуть-чуть меньше ноют.

Завела я собаку в хату и дала ей поесть – кашу, притрушенную шкварками. Она три миски как за себя опрокинула. Подошла ко мне и уткнулась страшной мордой в мои колени. Ласки просит. А я гладить ее боюсь. Уж слишком вид грозен: клыки в разные стороны, шерсть клоками, глаза злющие-презлющие. Но погладила в конце концов.

На следующий день мне в Харьков к экстрасенсорше ехать нужно. Пошла я к развилке, а собака за мной. Увидела, как я в автобус села, и побежала в сторону села.

Рассказала я о неожиданном излечении экстрасенсорше, а она улыбается: «Страх твой позвоночник вылечил. Жаль, что артриту это не поможет... Имя сучке дала?»

Я мотнула головой: «Еще нет. Да и не знаю, вернется ли она?»

– Если вернется, назови ее Сильвой и обязательно купи что-нибудь вкусенького в награду за излечение. Я вчера в театре Музкомедии оперетту «Сильва» смотрела. До сих пор мелодии напеваю.

Поздним вечером вышла я из автобуса – кругом ни души. Побрела к родному селу, фонариком дорожку подсвечиваю. Слышу, кто-то меня сзади за полу тянет. Оглянулась – собака моя.

– Сильва! Ты!? – она радостная такая. Вокруг меня прыгает, норовит лицо лизнуть. На имя свое сразу откликаться стала. Слово ее так раньше и называли. Дома вынула из сумки связку ливерной колбасы. Себе немного отрезала, остальное Сильве. Ест она и что-то урчит про себя, словно собачью песенку напевает. А морда довольная и совсем не страшная.

С тех пор живет она в старом сарае. Днем в хату пускаю. Работаю по хозяйству и с ней разговариваю. Мне кажется она все понимает.

Раньше боялась в лес ходить, при каждом стуке вздрагивала. А с Сильвой мне ничего не страшно. Вдвоем хворост тащить легче, да и вязанки побольше скручиваю.

Бывает позовет кто-нибудь из родственников умершего покойника обмыть, ко встрече с Богом новопреставленного подготовить. Раньше иду в соседнее село и только и думаю: не замерзнуть бы в пути. Ноги еле-еле волочу. А с Сильвой другое дело. Экстрасенсорша моей собаке ошейник с поводком подарила. Сильва впереди бежит и меня за собой тянет. Отдохнем посреди дороги и снова в путь.

Не раз и не два заводила я разговоры со стариками в моем и соседних селах, но никто о Сильве ничего не знает. Летом у нас дачник живет – огородом и пасекой занимается. Собак каких-то чудных во дворе держит. Говорят, он в них разбирается. Смотрел он на мою Сильву, смотрел, но породу так и не определил. Сказал, что волчья помесь у нее точно есть. Но такие собаки обычно с жестким характером, своенравные, агрессивные. А Сильва – добрейшей души псина, но чужого в хату не пустит. Как рыкнет и клыки оскалит – сердце в пятки уходит. Хату я уже давно на замок не закрываю...»

На автовокзале мы вышли из автобуса и какое-то время шли вместе. На витрине зоокиоска сверкнула оберткой упаковка собачьего корма. Я купил упаковку и вложил в руки неожиданной попутчице: «Это Сильве от меня – послеливерный десерт. Она его заслужила».

– Спасыби, – старуха улыбнулась и положила пакетик в сумку.

